

Чайная лавка быстро скрылась из виду, оставшись далеко позади. Глядя на унылый горный лес и устилающие землю сухие ветви, Цзинь Хань с досадой хлопнул себя по лбу.

Он и забыл, что очутился вовсе не в том мире, где прожил двадцать два года, а в совершенно чужом, незнакомом месте.

В прежней жизни одно лишь имя Цзинь Ханя внушало ужас. Оно ассоциировалось с резней и смертью, а его личным знаком была ветвь алой сливы.

Годы жестоких войн и беспощадной резни приучили людей трепетать при виде этих ярких цветов. И простые смертные, и Сто Бессмертных Сект — все до единого знали, кто такой Повелитель демонов Цзинь Хань.

Именно поэтому он только что оставил веточку алой сливы хозяину чайной лавки.

В его прежнем мире цветок алой сливы у порога означал личное покровительство Повелителя демонов. Ни одна живая душа не посмела бы причинить вред обитателям такого дома.

Он безраздельно властвовал долгие годы, пока его жизнь не оборвала старая детская болезнь. Повелитель демонов ушел на пике своего могущества.

К счастью, судьба даровала ему второй шанс. Он возродился — пусть и в совершенно ином мире.

Цзинь Хань достал из широкого рукава дешевенькую книжку-новеллу, какими обычно торгуют на каждом рынке. Это была единственная вещь, перенесшаяся вместе с ним.

Мир, в котором он очутился, был вселенной этой самой книжонки под названием «Бессмертный Бог Меча». Он ухитрился переродиться на страницах бульварного романа, который когда-то читал от скуки.

Обложка, верстка, дешевая серая бумага — все в ней выдавало грубую копеечную поделку, да и сам сюжет пестрил нелепыми дырами. И все же нельзя было отрицать: это чтиво затягивало.

Цзинь Хань купил ее совершенно случайно, прогуливаясь как-то вечером по ночному рынку. И надо же было такому случиться: стоило ему перевернуть последнюю страницу, как он испустил дух.

Причины этого странного переселения душ оставались загадкой, но жаловаться не приходилось — жизнь ему досталась даром. И все же решение Цзинь Ханя вместо праздника пуститься в изнурительный путь и одолеть тысячи ли ради этой глухой, заброшенной лощины могло бы озадачить кого угодно.

На самом деле у него была веская причина. Он явился сюда, чтобы убить человека. А именно — главного героя романа, Гу Наньчжао.

Зачем ему понадобилось лишать жизни юношу, которого он в глаза не видел? Все просто.

Цзинь Хань ухитрился занять тело злодея — наставника главного героя. Этот персонаж был его полным тезкой, отличавшимся, впрочем, исключительной глупостью.

Книжный Цзинь Хань, один из старейшин Секты Ясной Луны, всегда щеголял в безупречно белых одеждах, напуская на себя вид благородного, безгрешного праведника. На деле же он был гнилым до мозга костей.

Мелочный и завистливый, «Цзинь Хань» не чаял души в интригах и люто ненавидел собственного подопечного. Он подстроил ловушку, обвинив юношу в предательстве и сговоре с Сектой Демонов. В итоге несчастному разрушили духовный корень, с позором изгнали из секты, а следом отправили наемников, чтобы прикончить втихомолку.

Вот только ума и таланта у горе-злодея не хватало, поэтому главному герою раз за разом удавалось уйти от погони.

Но теперь в теле старейшины оказался настоящий Повелитель демонов. Ненависть главного героя автоматически перенаправилась на него. Оставь он мальчишку в живых — и когда тот окрепнет и вернет былую мощь, смерть придет уже за самим Цзинь Ханем.

Цзинь Хань никогда не отличался милосердием. Обретя вторую жизнь, он вовсе не горел желанием бесславно погибнуть через десяток-другой лет. А значит, юному Гу Наньчжао придется умереть.

Цзинь Хань легко взлетел на старую усохшую ель у обочины, переполошив дремавших на ветвях ворон, и раскрыл книжку. Судя по тексту, после разрушения духовного корня и изгнания из секты первой остановкой героя должен был стать Город Вэй.

Именно там Гу Наньчжао встретит героиню, сумеет исцелить свой искалеченный духовный корень и обретет невиданное доселе могущество.

А Гора Запустения — единственный путь, ведущий к этому городу.

Спрятав книгу, он подпер подбородок ладонью и задумчиво уставился на извилистую тропу внизу. Перед глазами невольно всплыл оставленный у чайной лавки цветок алой сливы и недоумевающие лица хозяев.

В здешних краях имя Цзинь Ханя никому ничего не говорило, а алая слива оставалась лишь обычным растением, лишенным какого-либо тайного смысла.

Цзинь Хань небрежно побарабанил тонкими пальцами по колену.

«Ничего, со временем мое имя загремит и здесь. Я заставлю этот мир содрогаться от одного лишь упоминания Цзинь Ханя»

«А веточка сливы... Очень скоро она перестанет быть символом чистоты и поэзии. Она станет моим личным росчерком. Знаком крови, ужаса и неотвратимой смерти»

Увлечшись мыслями о завоевании нового мира, он потерял счет времени. Когда Цзинь Хань наконец очнулся от раздумий, день уже клонился к вечеру.

Небо затянуло тяжелыми серыми тучами, и вскоре в воздухе закружились первые пушистые хлопья.

Опустив взгляд на белые крупинки, оседавшие на шелке его рукава, он небрежно сдул их прочь.

Устроившись поудобнее, Цзинь Хань уставился на горную тропу и недовольно проворчал:

— Ну и неторопливый же щенок. Ей-богу, даже ползком можно было добраться быстрее.

Словно в ответ на его ворчание, на самом краю тропы показался крошечный темный силуэт. Цзинь Хань мгновенно подобрался и замер в ожидании. Фигура медленно приближалась.

Наконец он смог разглядеть путника. Это был высокий, стройный юноша лет семнадцати-восемнадцати, облаченный в дешевое, грубое рубище.

Судьба у парня, надо признать, и впрямь была незавидной. Злодей Цзинь Хань не просто искалечил его духовный корень и выставил за порог — он еще и заявил, будто изменник не имеет права забирать с собой ничего, что принадлежит Секте Ясной Луны. С бедолаги сорвали даже ученическое одеяние, оставив его практически ни с чем.

С интересом наблюдая за приближающимся юношей, Цзинь Хань отметил, что даже ветхое, потрепанное платье не могло скрыть его поразительную, почти осязаемую ауру. Настоящий главный герой — статный, гордый, отмеченный самой судьбой.

Сразу видно любимца небес.

Цзинь Хань расслабленно прислонился к стволу. Он довольно ухмыльнулся.

«Ну наконец-то пожаловал»

Гу Наньчжао упорно пробирался по каменистой тропе, не обращая внимания на хлеставший в лицо снег. Вдруг он резко замер. На белое покрывало прямо перед ним, плавно кружась вместе со снежинками, опустился ярко-алый цветок сливы.

Из вышины донесся едва слышный, вкрадчивый смешок. Вскинув голову, Гу Наньчжао увидел сидящего на заснеженной ветви человека в белом.

Эти черты лица он узнал бы из тысячи — перед ним сидел Цзинь Хань. Вот только держался его мучитель совершенно иначе.

В его волосы за ухом была небрежно вплетена веточка цветущей сливы. Старейшина смотрел на бывшего ученика сверху вниз с легкой, ленивой улыбкой, сквозь которую сквозило откровенное, насмешливое любопытство. Будто разглядывал забавную диковинную игрушку.

Не успел Гу Наньчжао опомниться, как незнакомец взмахнул широкими рукавами и легко скользнул вниз. Веточка у него за ухом алела на фоне белого вихря, а белое одеяние плавно колыхалось, напоминая крылья взлетающей птицы. Зрелище было завораживающим.

Впрочем, Цзинь Ханю было не до эстетики. Изнуренный суточными поисками и злой от долгого ожидания на морозе, он не собирался тратить время на пустую болтовню. Стоило его ногам коснуться земли, как обнаженный клинок со свистом устремился прямо к сердцу Гу Наньчжао. Цзинь Хань твердо вознамерился покончить с будущей угрозой одним точным ударом.

Но юноша среагировал мгновенно: неуловимым движением он уклонился в сторону, пропустив смертоносное острие в полувершке от груди. Цзинь Хань нахмурился. У этого щенка ведь разрушен духовный корень! Как он сумел избежать удара?

В бою секундное замешательство подобно смерти. Прежде чем Цзинь Хань успел осознать свою ошибку, ход схватки резко изменился.

Гу Наньчжао мертвой хваткой сжал его горло, и Цзинь Ханя с силой прижало спиной к шершавому стволу дерева.

С потревоженных ветвей на них лавиной посыпался снег, укутывая обоих белым саваном.

«Дьявол, недооценил...» — пронеслось в голове у Цзинь Ханя. — «Я и не думал, что этот калека сохранил столь сокрушительную мощь»

С момента его пробуждения в этом теле не прошло и суток, он действовал без малейшего промедления. Как Гу Наньчжао ухитрился вернуть былую силу за столь ничтожный срок? Неужели его духовный корень уцелел?

Нет, исключено.

Очнувшись в новом теле, он первым делом расспросил адептов. Духовный корень Гу Наньчжао уничтожили у всех на глазах — при экзекуции лично присутствовали глава секты и старейшины. Подлог был попросту невозможен.

Так где же он просчитался?

Пока Цзинь Хань лихорадочно сопоставлял факты, раздался хриплый, леденящий душу голос Гу Наньчжао:

— На дворе лютая стужа, а наставник проделал столь долгий путь лишь ради встречи с недостойным учеником. Я прямо-таки тронут до глубины души.

Горло юноши пересохло от долгого молчания, отчего его хриплые интонации сочлились неприкрытой, удушающей жаждой крови.

Даже оказавшись в столь незавидном положении, бывший Повелитель демонов не поддался панике. С невозмутимым видом он принялся пристально рассматривать зажавшего его юношу.

За свою долгую прошлую жизнь он повидал немало красавцев, но этот юнец превосходил их всех.

Горделивый разлет бровей, разрез темных глаз феникса, точеный, безупречный нос и бледная, словно чистейший нефрит, кожа. На длинных пушистых ресницах застыли крошечные кристаллики льда, подрагивая при каждом вдохе. Чертовски хорош.

«Надо же, какой красавчик...» — цинично отметил про себя Цзинь Хань.

Жаль только, что этот красавчик сверлил его яростным, волчьим взглядом, готовый в любую секунду перегрызть глотку.

Не будь этот парень грозным главным героем, Цзинь Хань с удовольствием бы с ним позабавился — дразнить таких гордецов всегда было его любимым развлечением. Но сейчас на кону стояло его собственное выживание.

Пришлось отложить шутки в сторону и сосредоточиться на главном.

Подавив рвущуюся наружу жажду убийства, Цзинь Хань мгновенно нацепил маску глубокой скорби и нежности. Встретившись взглядом с юношей, он произнес мягко и сочувственно:

— Чжао-эр... Мы не виделись всего ничего, а ты так исхудал. Должно быть, тебе пришлось несладко в пути?

Гу Наньчжао на эту уловку не поддался. Он лишь сильнее сжал пальцы на его шее и процедил сквозь зубы:

— Неужели наставник вдруг снизошел до заботы о своем ученике?

Цзинь Хань кротко и печально кивнул, словно безмерно раскаиваясь.

— Наставник запомнил, кто именно лишил меня духовного корня и обрек на участь жалкого калеки? — в голосе Гу Наньчжао послышался издевательский смешок.

Цзинь Хань изобразил на лице неподдельное раскаяние.

— В том деле... я проявил непростительную слепоту. Доверился наветам и совершил ужасную ошибку, — выдохнул он, с трудом из-за плотной хватки подбирая слова. — Именно поэтому я разыскал тебя. Чтобы все исправить.

Внутренне Цзинь Хань ликовал. Каким бы одаренным ни был этот юнец, ему едва исполнилось восемнадцать. Всю жизнь он провел в затворничестве на туманных пиках секты, не зная людского коварства. Такого наивного юношу не составит труда обвести вокруг пальца.

Но реальность быстро щелкнула его по носу. Гу Наньчжао презрительно рассмеялся:

— Исправить? Подослав ко мне целую свору наемников? Должно быть, вы разочаровались в своих слугах и решили прикончить меня собственноручно!

Стоит признать, интуиция у парня работала отменно — он попал не в бровь, а в глаз.

Разумеется, сознаваться Цзинь Хань не собирался. Он удивленно округлил глаза:

— Чжао-эр, о чем ты? Какие наемники? Я не понимаю, о ком ты говоришь.

Посмотрев Гу Наньчжао прямо в глаза, он добавил с предельной искренностью:

— Я медлил с нашей встречей лишь потому, что все это время искал способ исцелить твой духовный корень. И видит небо, мои труды увенчались успехом — я нашел лекарство.

За те несколько секунд, что они стояли друг против друга, в голове Цзинь Ханя успела сложиться четкая картина происходящего.

Пусть лишенный духовного корня Гу Наньчжао и превратился в калеку, он все же не был беззащитной жертвой.

В романе многочисленные наемные убийцы так и не смогли одолеть изгнанника. Все потому, что при себе у него хранился мощный древний артефакт.

Цзинь Хань смутно помнил описание из книги: легендарная Духовная жемчужина, с которой мальчик якобы появился на свет. В этой невзрачной вещице спала поистине колоссальная, неиссякаемая мощь.

Сейчас ему требовалось усыпить бдительность парня, заставить его заколебаться, а затем нанести единственный, смертельный удар.

Законы культивации в этой реальности ничем не отличались от тех, к которым он привык в прошлой жизни. Разрушение духовного корня — это приговор. Исцелить его обычными методами не под силу ни одному лекарю.

Любой совершенствующийся, услышав надежду на спасение, ухватился бы за нее как утопающий за соломинку. И Гу Наньчжао не стал исключением: в его застывшем взгляде на миг промелькнуло сомнение.

«Попался!»

Заметив секундную заминку, Цзинь Хань мгновенно сконцентрировал остатки духовной энергии в ладони и с силой выбросил руку вперед, целясь прямо в лицо противника.

Гу Наньчжао лишь презрительно фыркнул. Ни один смертный не успел бы разглядеть его ответного движения. Короткий, молниеносный перехват — и запястье Цзинь Ханя с сухим хрустом вывернулось под неестественным углом.

Цзинь Хань сдавленно застонал сквозь стиснутые зубы.

«Черт бы побрал эту немощную тушу...» — мысленно выругался он.

Гу Наньчжао жестко заломил его поврежденную руку за спину, лишая малейшей возможности сопротивляться, и еще сильнее вжал в ствол дерева.